

*О беспощадный рок!
Под этим славным шлемом
Теперь сверчок звенит¹.*

Басё Мацуо.
Шлем Санэмори

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда мне предложили написать новую биографию Рихарда Зорге для издательства «Молодая гвардия», я сначала ответил отказом и согласился лишь спустя почти год раздумий. Причина нерешительности была проста: слишком уж «неподъемным» казался герой. Сколько всего написано о Зорге, сколько разных авторов брались за перо, пытаясь создать его образ, сколько существует отдельных направлений, по которым вели свою работу настоящие зоргеведы — можно ли одолеть такую махину одному человеку? И все-таки в конце концов я решился, сознательно рискуя получить упреки в некомпетентности, односторонности или еще в чем-нибудь. Сказал «да» потому, что мне самому вопросы о Зорге задавали и задают довольно часто, и далеко не на все из них мне удавалось ответить не поверхностно и с достаточной степенью уверенности. Я видел, да и теперь то и дело наблюдаю, как многие люди, изначально настроенные к этому герою вполне благожелательно, читая о нем, не могут распутать сюжетов, скрученных в биографии этого человека, разобраться в море книг, в котором, к сожалению, слишком много «макулатуры», не могут выкарабкаться из позднейших попсовых наслоений в его жизнеописании, где миф соседствует с полуправдой, ложью и легендой, и с разочарованием бросают это занятие. Мне захотелось помочь им, помочь самому себе разобраться в истории великого шпиона, и я принялся за работу.

Моментально возникла новая проблема: как писать, что писать? Некоторые знакомые, узнавшие о том, что я «взялся за Зорге», задавали мне один и тот же простой вопрос: «Ну, хорошо, что решился, но ведь тема избитая. Ты не историк разведки, не имеешь доступа к секретным материалам, не можешь опубликовать какую-нибудь хоть пло-

хонькую, но сенсацию. Что о Зорге можно сказать новенького?» Спасибо всем, кто задал мне этот вопрос, потому что ответ на него: «А что вы знаете о Зорге “старенького”?» — стал вторым шагом на пути к этой книге.

Я приступил к чтению бесконечного списка литературы о Зорге и пришел в ужас: оказалось, что основная масса книг представляет собой бесконечные перепечатки лишь нескольких, отнюдь не многочисленных, добросовестных исследований, большая часть которых написана еще в середине прошлого века. В этом «стареньком» оказалось чертовски сложно разобраться из-за позднейших многотонных спекуляций на тему «советского Джеймса Бонда» авторов, бессовестно цитировавших настоящих исследователей-зоргеведов безо всяких ссылок на первоисточник. Стало понятно, что моя задача будет заключаться не столько в нахождении каких-то новых сведений, сколько в очищении и выстраивании стройной вереницы фактов и, по возможности, бесспорных свидетельств, раскрывающих судьбу Зорге максимально четко, точно, беспристрастно. Итак, моей главной задачей стало написание понятной биографии Рихарда Зорге.

Это не значит, конечно, что книга, которую вы держите в руках, идеальна и объективна — нет. Всякое повествование одного человека о другом всегда субъективно и предвзято. Надеюсь, что каждый читатель, испытывая к моему герою свою меру симпатии или антипатии, создаст индивидуальный образ Зорге. Я лишь постарался, в меру своих скромных сил и способностей, помочь такому читателю «раскопать» в хаосе фактов и вымыслов, свидетельств и сплетен подлинные сведения о жизни Рихарда Зорге — с опорой на те материалы, которые мне самому, как автору, кажутся наиболее заслуживающими доверия. Я постарался дать ссылки на все более или менее важные цитируемые документы и мнения, чтобы выполнить еще одну существенную задачу этой книги: точно указать первоисточники наших знаний о Зорге. Неправильно, несправедливо и недопустимо молчаливое использование этих работ позднейшими компиляторами без ссылок на них и часто с расквашиванием цитат — думаю, Зорге это не понравилось бы.

Немецкий исследователь Юлиус Мадер написал замечательную книгу о своем полусоотечественнике, в которой, естественно, особое внимание уделит германской составляющей биографии Рихарда Зорге. Британские исследователи Фредерик Дикин и Георг Стори постарались

взглянуть на дело Зорге максимально объективно, активно используя при этом материалы американского разведчика Чарлза Уиллоуби, работавшего в послевоенные годы в Токио с японскими документами. Бывший советский военный разведчик и связной Зорге Сергей Леонидович Будкевич сосредоточился на материалах следствия и суда по делу группы Зорге — его работу на эту тему можно считать непревзойденной по сей день. Воспоминания его коллеги Михаила Иванова не столь фундаментальны, но интересны и порой даже лиричны. Замечательный японовед Юрий Владимирович Георгиев постарался досконально разобраться в коминтерновской карьере Зорге и в его деятельности как япониста, а его коллега более молодого поколения — Василий Элинархович Молодяков с характерной для него тщательностью и широким взглядом на проблему отдельно занимался геополитической историей нашего героя. Публицист Владимир Чунихин постарался подойти к истории Зорге и всему о нем написанному с максимальной непредвзятостью, заострив в своей работе (к сожалению, опубликованной только в Интернете) внимание на особо важных биографических моментах, позволяющих под новым ракурсом взглянуть на сложные эпизоды в жизни Зорге и переосмыслить их. На рубеже веков вышел в свет сборник «неизвестных документов» группы Зорге из архивов ряда российских ведомств (составитель Андрей Фесюн). Наконец, в последние годы историк военной разведки Михаил Алексеев опубликовал три настолько объемных и поистине всеобъемлющих тома, посвященных деятельности Зорге в Китае и Японии, что их можно заслуженно считать лучшим энциклопедическим изданием по данной тематике.

В представленной биографии на все упомянутые и многие другие труды приведены ссылки, и заинтересованный читатель может выбрать, с какими исследованиями стоит ознакомиться подробнее, тем более что формат данного издания ограничивает возможность охватить в повествовании все, что известно о Зорге, даже если писать исключительно о нем. Но ведь он никогда не работал один. Увы, несмотря на то, что в книге, конечно же, идет речь о многих его ближайших друзьях и рьяных противниках, заданный объем работы начисто исключал возможность рассказать в подробностях, а иногда и просто упомянуть многих из тех, кто окружал Зорге в последние 20 лет его жизни. Мне приходилось безжалостно отбрасывать многие второстепен-

ные сюжетные линии и отрезать от канвы повествования характеристики многих персонажей этой драматической истории. Чтобы понять, со сколькими людьми Зорге связывали отношения, достойные стать темой отдельного повествования, достаточно будет сказать, что во время работы в Китае его агентурная сеть включала более девяноста человек, с большинством из которых он был знаком лично. Я лишь постарался по максимуму охватить воспоминания о самом герое, в разное время публиковавшиеся в различных изданиях, дабы с помощью людей, смотревших ему в глаза, воссоздать его портрет — ведь это книга о Зорге, а не о его группе.

В книгу включено множество цитат не только в качестве единственного способа создания документального, а не художественного произведения с опорой на свидетельства очевидцев, факты и документы. В ситуации ограниченного объема цитирование позволяет, как мне кажется, ярче представить богатый и противоречивый исторический фон, на котором не протекала, а бурлила, билась и выплескивалась из берегов жизнь талантливого, честного, неистового и беспокойного, невероятного, но замечательно-го человека — Рихарда Зорге. Человека, который родился одиночкой, бунтарем, но хотел служить обществу. Который всю жизнь искал таких же, как он сам, потерпел поражение, но умер, так и не разочаровавшись в людях.

Я искренне и глубоко благодарю всех, кто помогал мне в работе над этой книгой: Павла Дмитриевича Белика, Георгия Борисовича Брылевского, Андрея Викторовича Варламова, Сергея Викторовича Гришачева, Константина Александровича Залесского, Марию Кирилловну Залесскую, сотрудников Государственного музея политической истории России Оксану Алексеевну Алексееву, Оксану Олеговну Зайцеву, Ирину Сергеевну Лукашову, Валентину Михайловну Ушакову, Светлану Андреевну Ходаковскую и многих, многих других людей, которые сделали возможным появление этой книги.

Отдельная благодарность моему постоянному редактору Марии Николаевне Бересневой, проверившей многие факты, на которые у автора «не хватало рук», и выполнившей массу переводов с немецкого языка.

Перевод с японского воспоминаний подруги Зорге Исии Ханako осуществила Анна Борисовна Делоне, за что автор особенно признателен ей и надеется, что с ее помощью русскоязычный читатель еще познакомится с этой,

пока не опубликованной на русском языке, биографией полностью — мы все ждем этого.

Все японские и китайские фамилии и имена приводятся по дальневосточной традиции: сначала фамилия, затем имя, за исключением нескольких случаев в цитировании документов. Весь курсив в тексте — авторский, другие выделения текста оговорены особо.

Во всех цитатах сохранены орфография и пунктуация оригинала.

Глава первая
БЕСПОКОЙНОЕ СЕМЕЙСТВО

Сегодня, когда имя Рихарда Зорге известно во всем мире, приходится сталкиваться порой с самыми необычными суждениями о его биографии. Одно из них таково: Зорге — великий... азербайджанский разведчик XX века. В самом деле, сегодня уже не все задумываются над тем, что никакого государства Азербайджан во время рождения Зорге на свете еще не было, а вот то, что будущий великий шпион появился на свет именно в Баку — столице современного Азербайджана, знает каждый. Но как вообще он там оказался, точнее, каким ветром занесло его родителей в Закавказье? Надо сказать, история эта сама по себе непростая, отчасти даже детективная. Разумеется, она уже привлекла внимание и многочисленных авторов во всем мире (как правило, никогда не бывавших в Баку), писавших биографии знаменитого разведчика, и местных краеведов, для которых эта тема — редкая возможность выйти со своими изысканиями на международный уровень. Возможно, поэтому в первом случае чаще всего описываются нефтяные богатства Каспия, а во втором — детали проживания семьи Зорге в Баку. Если же мы сложим усилия этих исследователей, то сможем узнать много интересного о славном германском роде Зорге вообще и о его закавказской ветви в частности. И пусть не вводит читателя в заблуждение почти библейское перечисление предков нашего героя — оно имеет свой смысл. Стоит лишь набраться терпения, и станет понятно, как оказались связаны судьба советского разведчика и провизорско-духовная карьера его пращуров.

Сама по себе фамилия *Sorge* (так она пишется по-немецки) имеет значение «забота», «тревога», «беспокойство о ком-нибудь». Происходило беспокойное семейство Зорге из Восточной Тюрингии, имперского княжества Шварц-

бург-Рудольштадт, где располагался небольшой городок Витгендорф. В этой местности многие семьи издавна занимались сбором лекарственных растений, которые потом соответствующим образом обрабатывали и торговали снабдываями по всей Тюрингии и Саксонии. К одной из таких семей относились и Зорге, род которых можно проследить до XVII столетия².

Прапрапрадед нашего героя — Иоганн Михаэль Зорге был сыном провизора из Шварцбурга и сам стал местным фармацевтом, а один из его сыновей — Георг Вильгельм, родившийся в 1797 году в Шильдау, в Саксонии, получил богословское образование и место пастора в Чорневице, к востоку от Лейпцига. В 1825 году Георг Вильгельм числился священником в евангелической общине Святой Марии в Шильдау, а позже служил в общинах Бетау и Наудорфа округа Торгау.

Пастором Зорге оказался беспокойным. В Бетау он неосторожно выразил симпатии сектантам-квакерам, что не вызвало радости у церковного начальства. Более того, пастор почувствовал вкус к публичным выступлениям не под сводами храма, а на городских площадях, и когда в начале 1848 года до Саксонии докатилось эхо европейских революционных событий, Вильгельм Зорге вместе с сыновьями радостно приветствовал перемены. Пастор, как можно прочесть в мемуарах еще одного известного Зорге, Фридриха Альберта Адольфа, двоюродного деда нашего героя, «активно участвовал в революционном движении в нашем родном округе между Эльбой и Мульдой в Саксонии, он был одним из популярнейших ораторов во время народных собраний на рынках и площадях». Одно время даже его дом в Чорневице использовался подпольщиками в качестве перевалочного пункта для тайной переправки революционеров из Восточной Европы во Францию. Причем переправляли их по секретному «метро» — подземной железной дороге, которую мятежники построили сами и где дом пастора Зорге служил одной из станций³. Бурную деятельность первого бунтаря из рода Зорге смогла прервать лишь смерть в 1887 году. Он был погребен в городе, связанном с именем другого возмутителя германского спокойствия — Мартина Лютера — в Виттенберге.

Старший сын пастора родился 5 апреля 1825 года в Бетау и получил имя Готхольд Вильгельм. Придерживавшийся передовых для своего времени взглядов отец дал сыну имя в честь немецкого драматурга XVIII века Готхольда Эфраима Лессинга — масона, одного из основоположников немец-

кой классической литературы, тоже бывшего сыном священнослужителя. Готхольд Вильгельм Зорге выбрал традиционную семейную профессию. Он окончил медицинское отделение Университета Эберхарда и Карла в Тюбингене и стал дипломированным врачом-хирургом, кандидатом медицины и, отказавшись от государственной службы, занимал частную практику все в том же саксонском городке Шильдау, неподалеку от крепости Торгау. Готхольд Вильгельм был женат дважды. Мы ничего не знаем о первой его жене, а в 1851 году он сочетался законным браком в Берлине с дочерью фармацевта Магдаленой Наталией Мюллер. Там же, в Берлине, чета завершила свой земной путь.

Сын хирурга Густав Вильгельм Рихард Зорге родился 6 апреля 1852 года в городке Веттине на реке Зале в Саксонии-Анхальт. Там, в общине Веттина сохранились документы и о крещении, и о смерти этого человека, а в других общинах Саксонии и Тюрингии с немецкой тщательностью берегаются материалы о других предках советского разведчика, ибо Густав Вильгельм Рихард Зорге — отец нашего героя — Рихард Зорге.

Но, кроме старшего сына, ставшего врачом, у пастора Готхольда было еще двое наследников. Средний сын Герман Генрих родился 4 сентября 1826 года в Бетау и стал столяром-краснодеревщиком. Будучи еще молодым человеком, он участвовал в вооруженном восстании в Бадене, но затем занялся торговлей, поселился в Бадене, оттуда переехал в Мюнхен, а после и вовсе отправился в Америку, где в 1913 году тихо скончался в возрасте восьмидесяти семи лет в городке Рингвуд, штат Нью-Джерси.

Младший — Фридрих Альберт Адольф родился 9 ноября 1828 года в Бетау. Именно этого своего предка знаменитый разведчик уважал особо, называя его на склоне собственного жизненного пути просто Адольфом Зорге. Резко выраженная у обоих фамильная черта — беспокойство за весь род человеческий — крепко сблизила юного Рихарда и его двоюродного деда, хотя последний, конечно, и не знал о преклонении перед ним внучатого племянника. Фридрих Адольф, получивший музыкальное образование, обожающий классика Бетховена и своего современника Вагнера, не смог найти себя в преподавании музыки в тихом саксонском городке. Бунтарский дух отца-пастора привел Фридриха Адольфа к местным революционным группам, о чем стало известно властям. Бывший учитель музыки стал организатором восстаний жителей Бадена и сам с оружием

в руках оказывал сопротивление прусской армии, направленной на подавление мятежа. Когда мятеж все же был подавлен, в 1849 году сын пастора был назван в числе заговорщиков и заочно приговорен к смертной казни. Заочно, потому что он не стал ждать развития событий и кинулся в бег. Сначала его следы нашлись в Швейцарии, но и там властям не захотелось связываться с опасным музыкантом. Поэтому Зорге пришлось отправиться в Бельгию, а оттуда он перебрался в Британию. Именно там в 1852 году судьба свела его с другим невольным мигрантом из континентальной Европы — Карлом Марксом.

Только что обосновавшийся в Лондоне автор «Манифеста Коммунистической партии» в то время как раз приступил к обоснованию своей теории о неизбежной победе рабочего класса во всем мире. Неясно, встречался ли в Лондоне Фридрих Адольф Зорге с ближайшим соратником Маркса Фридрихом Энгельсом — последний работал в тот период в торговой компании в Манчестере. Но слышать о нем от Маркса Зорге должен был обязательно. И всё же знакомство, пусть и половинчатое, с будущими лидерами мирового коммунистического движения изменило всю дальнейшую жизнь сына пастора и серьезно повлияло на судьбу еще не родившегося тогда Рихарда. Из Лондона Фридрих Адольф отправился на пароходе в Америку, где спустя пять лет стал основателем и лидером Американского коммунистического клуба — предтечи Коммунистической партии Соединенных Штатов.

В будущем беспокойный учитель музыки вошел в число важнейших сотрудников 1-го Интернационала, в котором организовал его американские секции, а в 1872 году он был избран секретарем Генерального совета, базировавшегося в Нью-Йорке. Еще в 1868 году сам Маркс писал о Зорге: «Рекомендуем г-на Зорге всем друзьям Международного товарищества рабочих и одновременно уполномочиваем его действовать от имени и в интересах этой организации»⁴. Международное товарищество рабочих — это 1-й Интернационал. Полвека спустя, в команде уже 3-го Интернационала, за счастье мирового пролетариата будет бороться его внучатый племянник. Но пока, после раскола первой организации, Фридрих Адольф Зорге занялся созданием Социалистической партии Соединенных Штатов, написал несколько книг по теории рабочего движения, став ближайшим сотрудником для его лидеров — Фридриха Энгельса, Августа Бебеля и Вильгельма Либкнехта.

Краевед Тамара Филипповна Гумбатова приводит отрывок из статьи Франца Мэринга, опубликованной в «Die Neue Zeit» в октябре 1906 года, характеризующий Фридриха Адольфа Зорге как деятеля, «всегда полного энергии и непоколебимой верности своим идеалам. Это был человек почти застенчивой скромности. Но при этом он не только не боялся никаких жертв, но даже имел потребность ставить свои идеалы впереди собственного “Я”. Он пользовался безграничным доверием лучших из величайших борцов, стоящих в первых рядах освободительного движения»⁵.

Его потомок таких деталей, очевидно, не знал, и в автобиографии, написанной перед началом работы в московском штабе Коминтерна, историю рода сформулировал кратко: «Семья моего отца является семьей потомственных интеллигентов и в то же время семьей со старыми революционными традициями. И мой родной дед, и оба моих двоюродных деда, в особенности Фридрих Адольф Зорге, были активными революционерами накануне, во время и после революции 1848 года»⁶. Не вполне понятно, о каком революционном прошлом своего деда-хирурга писал Рихард. Возможно, в его семье существовали рассказы о тайной революционной деятельности или, по крайней мере, симпатии к ней со стороны Готхольда Вильгельма Зорге. «Я знал, что мой дед участвовал в рабочем движении, но я знал также, что взгляды моего отца были диаметрально противоположны взглядам деда», — продолжал Зорге в так называемых «Тюремных записках». Но кого он имел в виду: родного деда или двоюродного? Дальнейшие упоминания арестованного разведчика о своем знаменитом предке наводят на мысль, что все-таки двоюродного. Судите сами: рассказывая о попытке неудачной вербовки в лагерь социалистов их лидером Филиппом Шейдеманом, Рихард Зорге замечал, что она была предпринята с использованием имени двоюродного деда: «...не хочу ли я, как потомок Адольфа Зорге, примкнуть к движению (социалистов, а не коммунистов. — А. К.), но я, конечно, решительно отказался». Еще позже, осенью 1923 года, Рихард встретился в Германии с Давидом Борисовичем Рязановым — одним из авторитетнейших русских социалистов, основателем и директором московского Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Кто-то из членов делегации, которую возглавлял Рязанов (не исключено, что он сам, и уж во всяком случае это было сделано с его ведома), попросил Зорге «собрать информацию о политическом литературном наследстве Адольфа

Зорге, который работал секретарем I Интернационала, созданного Марксом». К этому предложению присовокуплялось и еще одно, куда более серьезное: «Рязанов пригласил меня в этот институт [Маркса и Энгельса], но руководители Германской коммунистической партии тогда не отпустили меня»⁷. Непонятно, передал ли в итоге Рихард Зорге что-либо из архива своего двоюродного деда Рязанову или нет, но де-факто первый вербовочный заход к нему из Москвы был совершен под прикрытием близости внучатого племянника идеям своего предка.

Еще одна загадка связана с документами, найденными, по мнению Фредерика Дикина и Георга Стори, при обыске у Зорге во время его ареста в 1941 году: это было «брачное свидетельство брата его деда по отцу Георга Вильгельма Зорге, родившегося в Торгау»⁸. Предположение авторов о том, что документ мог понадобиться при вступлении Рихарда Зорге в нацистскую партию, звучит вполне обоснованно. Непонятно только, о ком именно из родственников идет речь, но, скорее всего, это не двоюродный дед, а прадед — тот самый беспокойный пастор из Шильдау, что действительно родился недалеко от Торгау и которого трудно было бы упрекнуть в симпатиях коммунистическим идеям из-за давности лет. Тем более что семью самого Рихарда и потомков деда-социалиста, умершего в 1906 году в американском штате Нью-Джерси, практически ничего не связывало. «Наша семья была несколько чуждой для клана Зорге»⁹, — вспоминал разведчик в тюрьме, и это отчуждение, возможно, было вызвано слишком долгим пребыванием отца Зорге в России.

Известно, что, когда Густаву Вильгельму Рихарду Зорге пришлось время выбирать профессию, он отказался учиться на медика. Не пошел он и по духовной стезе. Гуманитарное образование, которое предпочел его дядя Адольф, тоже не прельстило юношу. Догадываясь о том, как с изобретением парового двигателя изменится в ближайшем будущем жизнь, молодой Зорге решил стать инженером и взялся изучать горное дело. Тогда в Саксонии было еще немало шахт, уголь добывали постоянно растущими темпами, и такая работа представлялась перспективной. Густав Вильгельм работал в научной библиотеке горного управления в родном Веттине, прошел практику на местной каменноугольной шахте, располагавшей передовым по тому времени оборудованием, но вскоре стало очевидно, что горная промышленность Германии стоит на грани краха, и, по

мнению целого ряда историков, Зорге отправился за океан, в Америку¹⁰.

Существует, однако, интересная версия о том, что «Америкой» для Зорге-старшего могла стать... Россия. По сведениям журнала «Нефтяное дело» за 1908 год, в 1875 году 23-летний Густав Вильгельм окончил академию и прибыл не в Нью-Йорк, а в Малороссию, где поступил на службу в технический отдел Харьковского-Николаевской железной дороги. По данным этого специализированного издания, в Харькове молодой немец пробыл два года и, очевидно, использовал это время и для изучения русского языка. Во всяком случае, когда он в 1877 году прибыл в Баку, то представлялся уже вполне по-русски: Рихард Васильевич, в документах добавляя к этому «он же Вильгельмович»¹¹. Итак, отца «нашего» Рихарда Зорге в России, в Баку, тоже звали Рихардом.

Работать он приехал в место, которое справедливо называли «нефтяным Клондайком». За недели здесь делали состояния, за день их теряли. Тысячи рабочих шли сюда пешком из России и Ирана, десятки и сотни инженеров и предпринимателей неслись в Русское Закавказье в вагонах первого, второго, третьего класса, спешили, боясь не успеть запрыгнуть в буквальном смысле в счастливый вагон, добирались, как могли, искали приключений всех сортов. В краю, где лишь три процента населения были грамотными, выходцы из Швеции братья Нобель создали крупнейшую компанию с нефтяной вертикалью власти. «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель» делало всё: искало нефть, бурило скважины, добывало нефть, перерабатывало ее, перевозило и продавало. Организовано это было на максимально высоком для конца XIX века технологическом уровне. И, если в 1872 году, за год до прихода Нобелей, здесь за год накачали десять тысяч тонн «черного золота», то в 1880-м здесь работало уже 195 (!) нефтеперегонных заводов, дававших миллион тонн очищенного продукта. По Каспию ходил первый в мире нефтеналивной танкер «Зороастр», на участке Балаханы — Черный город работал первый в стране нефтепровод, а построенные там же цилиндрические нефтехранилища оказались и вовсе первыми в мире. Так что для толкового немецкого инженера работы здесь было невпроворот.

Другое дело, что быт, пресловутая суровая проза жизни на бакинских «нефтяных приисках», скорее утешал, чем манил. Побывавший здесь в 90-х годах XIX века Мак-

сим Горький живописал увиденное: «Нефтяные промысла остались в памяти моей гениально сделанной картиной мрачного ада. Эта картина подавляла все знакомые мне фантастические выдумки устрашённого разума, все попытки проповедников терпения и кротости ужаснуть человека жизнью с чертями, в котлах кипящей смолы, в неугасимом пламени адовом.

...Я увидел вершины вышек, воткнувшиеся в дым, мне именно так и показалось: над землей образована другая земля, как бы второй этаж той, на которой живут люди, и эта вторая земля, расширяясь, скоро покроет небо вечной тьмой. Нелепое представление усилилось, окрепло при виде того, как из одной вышки бьет в тучу дыма фонтан черной грязи, точно землю стошнило и она, извергая внутреннее свое, расширяет дымно-масляную крышу над землей...»¹² Что и говорить, картина страшная, но, напомним, Рихарду Васильевичу было всего 25 лет, когда он сюда приехал, и все эти ужасные визуальные эффекты не должны были смутить предприимчивого немца.

Молодой инженер устроился на работу в качестве нефтяного мастера в механических мастерских Отто Ленца, располагавшихся в поселке Сабунчи, что километрах в двадцати от Баку. Два немецких мастера быстро нашли общий язык и в жизни, и в работе. Вместе работали над «расширителем Зорге — Ленца», нефтяным топливом для пароходов, другими проектами. К 1883 году оба уже так прижились в Баку, что, в отличие от намного раньше обрусевшего Людвиг Нобеля, считались здесь не иностранцами, а своими — русскими — инженерами. С 1879 года Рихард Васильевич Зорге стал членом Бакинского отделения Русского технического общества, основанного все тем же Нобелем, и примерно в это же время женился. Неизвестно, когда точно это произошло, но уже в начале 1880 года у Зорге и его супруги — лютеранки Анны Керн родился сын Вальтер Зорге. Нам также неизвестно, что случилось дальше, но 1 ноября 1882 года Вальтер умер, а уже 24 апреля следующего года Рихард Васильевич сочетался вторым браком с русской подданной, православной Ниной Семеновной Кобелевой. Венчание прошло в Николаевском соборе в Баку, а невесте только за четыре дня до свадьбы исполнилось 16 лет.

Нина Кобелева происходила из рода казенных крестьян Рязанской губернии и имела трех сестер и двух братьев: Екатерину, Ольгу, Дарью, Константина и Тимофея.

Так что русская родня нашего героя была не менее многочисленна, чем германская, и по сей день в нашей стране живет очень много дальних родственников знаменитого разведчика, и время от времени в прессе появляются сообщенные ими детали жизни семей Зорге и Кобелевых столетней давности.

К тому времени Зорге окончательно обосновался в Сабунчах, где построил дом на берегу соленого озера и по-прежнему работал с Отто Ленцем в мастерских напротив местной железнодорожной станции. В 1890 году купил там участок земли, примерно тогда же — землю под дачу в поселке Аджикенд, где летом было прохладно, в 25 километрах от города Гянджи (в те годы — Елизаветполя). Дом отстроили к 1893 году. Как сказали бы сегодня, окреп и бизнес Рихарда Васильевича. Немецкий инженер стал здесь не просто своим, но и очень уважаемым человеком в Баку, много занимался не только профильной — инженерной работой, но и благотворительностью, и обустройством общественной жизни на западноевропейский манер. Добился утверждения поста мирового судьи в Балаханно-Сабунчинском районе, участвовал едва ли не во всех крупных мероприятиях этого главного индустриального района Закавказья. Так что «русская история» семьи Зорге оказалась много крепче и в разы длиннее, чем до сих пор было принято об этом думать. В общей сложности на три десятилетия Рихард Васильевич оказался связан с Баку, с Азербайджаном, с Российской империей. Три десятилетия жил не только заботой о собственной прибыли, но и о развитии науки и техники в этой стране и даже участвовал в съезде нефтяников, проходившем под лозунгом: «Мы осветим весь мир и смажем всю Европу!», где выступил против американского проекта экспорта нефти из Баку, полагая, что «нефтепровод должен служить непременно развитию нефтепромышленности внутри России и не способствовать вывозу нефти за границу».

В доме у озера 19 февраля 1884 года родился и первый ребенок Рихарда Васильевича и Нины Семеновны — Вильгельм. В будущем он примкнет к немецким социал-демократам, и о его судьбе после Второй мировой войны ничего не известно. 7 января 1886-го на свет появилась дочь Маргарита. 9 июля 1887-го родился второй сын — Герман, который проживет спокойную жизнь (насколько это было возможно в Европе XX века) инженера-химика и скончается в Майнце в 1958 году. 17 января 1889 года — вторая дочь, На-

талия. 21 июня 1890-го — третий сын, Георгий (о нем, как и об остальных членах семьи Зорге, практически ничего не известно), а 20 июня 1892-го — четвертый, Мартин. 31 августа 1893 года родилась третья дочь, Анна. 4 октября 1895 года на свет появился пятый сын — Рихард Зорге.

Как ни странно, до сих пор не понятно до конца, как на самом деле звали будущего разведчика и где именно он появился на свет. Известно, что он любил, когда его называли Ика. Скорее всего, это детское имя — сокращение от сложного «Рихард», которое трудно было выговаривать маленькому ребенку и которое со временем настолько «прилипло» к нему, что стало вторым именем. Несколько странно, что взрослый Зорге подписывался так, в том числе в официальных документах: *I. K. Sorge, Ika Sorge, Ika-Richard*. В некоторых документах, в том числе коминтерновских, он то Ика Рихардович, то Рихард Рихардович. Впрочем, в европейских языках, и немецкий — не исключение, имя не является такой жесткой языковой нормой, как в русском. Человек может называть себя так, как он хочет, в том числе и в некоторых официальных документах. Нам хорошо знаком этот прием по некоторым актерам, часто использующим в качестве собственного бренда уменьшительные или детские имена: Чак, Джонни, Денни и т. д. Нашему герою, похоже, очень нравилось его детское имя, и он охотно использовал его как свой «бренд» вплоть до середины 1930-х годов¹³.

Есть и другая версия происхождения имени «Ика» в документах. Как полагает Тамара Гумбатова, это могло быть связано с лютеранской традицией давать ребенку несколько имен. Ведь и отца нашего героя звали «в три приема»: Густав Вильгельм Рихард. Возможно, имя, данное его сыну при крещении, тоже звучит как, например, Иоганн Карл Рихард. Но до сих пор запись о крещении младшего Зорге не найдена (его братья и сестры были крещены кто в лютеранской, кто в православной церкви), и пока нам остается только гадать, как и почему точно Ика стал Рихардом (или наоборот), и что все это значит.

Известно, что семья Зорге подолгу жила в «летнем имении», на даче, построенной, как мы помним, незадолго до рождения Рихарда-младшего, и это неудивительно. Дача была настолько хороша, что о ней даже написала местная газета: двух-трехэтажное строение из десяти комнат, с прекрасным видом на лесистые горные окрестности и водопроводом, способная вместить до сорока человек. Но действительно ли там родился Рихард Рихардович, по-прежнему

неизвестно¹⁴. Впрочем, так или иначе, это территория Российской империи, ставшая в 1991 году частью независимого Азербайджана. Так что в каком-то смысле Рихард Зорге действительно — великий азербайджанский разведчик. Во всяком случае, прекрасный памятник ему сооружен в Баку по праву, и Азербайджан имеет все законные основания гордиться таким земляком.

В год рождения своего девятого ребенка Рихард Васильевич был переизбран членом «Технической по охранению бакинских нефтяных промыслов комиссии». Переизбрали его и в следующем, 1896 году, стал он членом комиссии и в 1897-м, когда отметил двадцатилетие своей деятельности в Баку. По сведениям Юлиуса Мадера, это стало пределом физических возможностей работы Рихарда Васильевича в Закавказье. Здоровье 45-летнего инженера дало сбой, это совпало со смертью его матери в Берлине и необходимостью вступления в наследство. На рубеже 1897—1898 годов было принято решение о переезде в Германию. В газеты дали объявления о продаже имущества Зорге, в том числе и дачи в Аджикенде. 3 марта земля и дом в поселке Сабунчи «ушли» за 95 тысяч рублей серебром. Механический завод удалось продать только под залог почти в 200 тысяч рублей. Дачу продать не удалось вовсе, и еще два года она сдавалась в безвозмездное пользование летней колонии женского бакинского училища. В апреле 1898 года семья Зорге покинула Баку. Рихарду-младшему в то время не исполнилось еще и трех лет.

Глава вторая **ГЕРМАНСКИЙ ПУТЬ**

«До войны я провел достаточно благополучное детство, присущее классу зажиточной буржуазии. Наша семья не испытывала никаких материальных затруднений. Однако кое в чем я отличался от обычных сверстников. Я остро переживал, что родился я на Южном Кавказе и был привезен в Берлин в очень раннем возрасте»¹⁵, — вспоминал Зорге. Его благополучное немецкое детство началось в приличном берлинском пригороде Ланквиз, на Моцартштрассе, 29, — в доме, который бывший бакинский инженер, а ныне директор банка при «Германско-русском обществе по импорту нефти» Рихард Васильевич Зорге купил для своей семьи¹⁶. Параллельно с кредитно-финансовой деятельнос-

тью банкир продолжал заниматься инженерной работой, с научной точки зрения описав и обосновав три способа добычи нефти: тартальный, насосный и компрессорный, — и предпринимательством. Деловые связи с Россией не прерывались, и летом—осенью 1899 года, а затем и в 1900 году Рихард Васильевич побывал в Одессе и Баку в служебных командировках¹⁷. Дача в Аджикенде все еще принадлежала семье, и Зорге снова передал ее на лето в безвозмездное пользование женскому училищу. Ее так и не удалось продать, а в 1904—1905 годах Зорге-старший постарался свернуть все свои дела на Кавказе из-за обострившейся революционной обстановки в этом регионе. Возможно, именно неприятности, связанные с Россией, тревога за судьбу дела, подвергавшегося серьезной опасности из-за революционных мятежей, приблизили и конец инженера Зорге. «Отец был ярким националистом и империалистом и всю жизнь не мог избавиться от впечатлений, полученных в молодости при создании Германской империи во время войны 1870—1871 годов. Он всегда сохранял в памяти потерянные за рубежом капитал и социальное положение», — писал о нем знаменитый сын, забывая при этом, что, несмотря на потерянные капиталы, их семья, мягко говоря, не бедствовала даже в голодные годы мировой войны. «Потерянные за рубежом» — это в России, но социальное положение берлинского директора банка вряд ли можно считать менее высоким, чем у инженера из захудалого азиатского поселка Сабунчи. Нельзя не заметить, что и распространенные рассказы о том, что в семье Зорге были два языка общения — русский и немецкий, что дома часто вспоминали жизнь в России, ничем не подкреплены и, скорее, опровергаются дальнейшей биографией нашего героя, чем подтверждаются ею. Например, в личном деле ответственного сотрудника Коминтерна Рихарда Зорге-младшего упомянуто, что он свободно говорит по-немецки, по-французски и по-английски, а вот по-русски — только читает¹⁸.

Так или иначе, но, как сообщил об этом бакинский журнал «Нефтяное дело», «1 декабря 1907 года в возрасте 55 лет в Берлине в Гросс-Лихтенфельде от инсульта скончался старый бакинский техник, инженер-механик Рихард Васильевич Зорге»¹⁹. Полгода спустя его старший сын Вильгельм, верный сыновнему долгу, издал отдельной книгой научные труды Рихарда Зорге-старшего. Это случилось в то же самое время, когда Рихард-младший впервые столкнулся с революционным движением на своей второй родине.

К 1902 году семья Зорге переехала в берлинский район Штеглиц, на Гогенцоллернштрассе, 5. Здесь Рихард пошел в реальное училище, причем в 1908 году стал второгодником, но не по причине недобросовестности в занятиях, а из-за болезни. Впрочем, и с учебой было не все гладко. «...у меня в детстве была одна странная особенность, — вспоминал Зорге: я отличался от обычных детей, как и все мои братья и сестры. Я был плохим учеником, недисциплинированным в школе, упрямым, капризным, болтливым ребенком. По успехам в истории, литературе, философии, политологии, не говоря уже о физкультуре, я был в верхней половине класса, но по другим предметам ниже среднего уровня. В 15-летнем возрасте у меня очень развился интерес к Гёте, Шиллеру, Лессингу, Клопштоку, Данте и другим произведениям (так в тексте. — А. К.), а вдобавок пристрастился, даже не понимая ничего, к истории, философии и Канту. Из истории мне особенно полюбились периоды Французской революции, Наполеоновских войн и эпоха Бисмарка. Текущие германские проблемы я знал даже лучше, чем обычные взрослые люди. В течение многих лет я детально изучал политическую ситуацию. В школе меня даже прозвали премьер-министром».

Считается, что именно тогда и там, около 1910 года, бывший бакаинец, ученик старших классов реального училища Рихард Зорге (отныне под этим именем мы будем иметь в виду только его) впервые определяется со своими политическими пристрастиями. Конечно, это был еще в значительной степени детский выбор, возможно, окрашенный элементами конфликта ребенка из благополучной буржуазной семьи с недостаточно «передовым», по его мнению, отцом. Возможно. Тем более что и до Германии докатывались слухи о неудавшейся революции в стране, откуда, за исключением отца, была родом вся семья Зорге. И первым склонность к участию в борьбе за расшатывание существующего строя проявил вовсе не младший Рихард, а его брат Вильгельм — тот самый, что почтительно издал труды отца. «Мой старший брат стал левым экстремистом. Я помню, что у него были крайне анархистские наклонности, сформировавшиеся под влиянием трудов Ницше и Штейнера. Я долгое время был членом атлетической ассоциации рабочих и поэтому у меня были с рабочими постоянные связи. Но как у школьника, у меня не было никакой четкой политической позиции. Я был заинтересован только в приобретении политических знаний и совсем не думал этим опре-

делит как-то свою личную позицию, да и возможностей так поступать не было», — писал Зорге в воспоминаниях.

Процесс самоопределения и выработки личной позиции затянулся на несколько лет. Толчком для окончательного решения стал крупнейший мировой кризис — Первая мировая война. Для семьи Зорге, далеко не в последнюю очередь для Рихарда, которому в 1914 году исполнилось 19 лет, это был кризис особого рода: на полях сражений не на жизнь, а на смерть сошлись две его родины. Выбор, за кого воевать, не стоял: Рихард был гражданином Германии и настоящим берлинцем. Но интересно, что Бакинское уездное по воинской повинности присутствие (выражаясь современным языком — военкомат) среди лиц, подлежащих призыву для исполнения воинской повинности в 1913—1914 годах, разыскивало сына инженера-механика Р. В. Зорге — Мартина, одного из старших братьев Рихарда*. По извечной российской рассеянности забыли вычеркнуть убитого в Европу призванного? Рихард же пришел в аналогичный прусский «военкомат» сам, добровольно.

Летом 1914 года он возвращался с каникул, проведенных в Швеции. Юноша-переросток, вынужденный два года просидеть в пятом классе, по возрасту подходил в рекруты, несмотря на неоконченное училище, и был рад этому. Ему хотелось воевать, стать героем, страдать, может быть, даже умереть во имя Великой Германии. Он был просто мальчишкой — сильным, смелым и не слишком разумным в силу своего возраста. Ультрапатриотические настроения (по отношению ко второй родине, конечно) быстро затмили недавние модные размышления о социальной справедливости. Император Вильгельм обратился с воззванием к народу, в котором требовал защитить родину от коварного врага. Задуматься не было ни времени — оно было заполнено поглощением пропаганды, ни сил — они были сломлены пропагандой, ни желания — оно было подменено пропагандой, и Зорге отправился на войну с радостью и искренним энтузиазмом.

«Не сообщив в школу и не сдавая выпускных экзаменов, я тут же подал заявление в армию и поступил на военную службу. Если говорить о причине, побудившей меня

* По данным Т. Ф. Гумбатовой. Позже, по закону от 13 декабря 1915 года о ликвидации немецких землевладений на территории Российской империи, разыскали и национализировали принадлежавшие отцу Зорге земли в районе поселка Нафталан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru